

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /
SECTION «PHILOSOPHY OF SCIENCE»

09.00.14 ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ /
PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES (HISTORY)

Серия «Политология. Религиоведение»

2020. Т. 32. С. 90–95

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 930.85.+ 2-41

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.90>

Нерчинский Успенский мужской монастырь в пенитенциарной системе Российской империи

Е. С. Бушуева

*Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск,
Российская Федерация*

Аннотация. Рассматривается деятельность Нерчинского Успенского мужского монастыря как одного из звеньев единой цепи монастырей-пенитенциариев Российской империи. Указывается на строгость и даже жестокость режима заключения, поддерживаемого в монастырях такого рода. Описан состав ссылаемых в монастыри-пенитенциарии. Особое внимание уделено группе ссылаемых в Успенскую обитель «для смирения по монастырскому обычаю» и «покаяния», которую представляли миряне, преступившие морально-нравственные нормы евангельской этики.

Ключевые слова: Нерчинский Успенский монастырь, звено пенитенциарной системы государства, евангельские этические нормы, покаяние, епитимия, прочность семьи, устойчивость брака.

Для цитирования: Бушуева Е. С. Нерчинский Успенский мужской монастырь в пенитенциарной системе Российской империи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 90–95. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.90>

В начале XVIII в. усиливается процесс вовлечения православных монастырей в государственную политику. Происходит значительное расширение диапазона практических возможностей монастырей за счет использования их в пенитенциарных целях. С воцарением на русском престоле Анны Иоанновны отдаленные сибирские монастыри начинают более активно включаться в существующую церковно-пенитенциарную систему Российского государства. Нерчинский Свято-Успенский мужской монастырь становится одним из звеньев единой цепи периферийных монастырей-пенитенциариев. В доказательство этого достаточно обратиться к перечню православных обителей, представленному исследователем А. С. Пругавиным, которые служили местом ссылки и заточения для лиц, преступивших законы церкви, религии, общественной нравственности или угрожали ста-

бильности государства. В списке из 18 мужских монастырей значились: «Николаевский Карельский, Архангельской губернии, Сийский, на Северной Двине, Спасо-Прилуцкий, близ Вологды, Новгород-Северский, Кирилло-Белозерский, Валаам, Спасо-Преображенский, в Старой Руссе, Юрьевский, недалеко от Новгорода, Псковский, Свияжский, Казанской губернии, Далматовский Успенский, Пермской губернии <...>» [1, с. 325; 2, с. 333; 5, с. 17]. Завершался длинный список монастырей-тюрем перечнем практически всех обителей Восточной Сибири, который включал: «Троицкий Селенгинский, близ Байкала, Вознесенский Иркутский, Успенский Нерчинский». Наряду с мужскими обителями в перечень попал и женский Иркутский Знаменский монастырь [1, с. 326; 2, с. 337; 5, с. 18].

Многочисленные исследователи истории церковно-пенитенциарной системы [1–5; 8; 9] в доказательство жестокости режимов, царящих в отдаленных сибирских монастырях, дословно приводят отрывок из статьи дореволюционного исследователя И. С. Сельского, который описал бесчеловечные условия содержания заключенных в печально известном Селенгинском Троицком монастыре. Сельский, изучивший большое количество архивных документов о ссылке преступников в монастыри Восточной Сибири, писал: «Много там погибло людей, сосланных без показания их имен <...> сюда заточали преступников по самым важным винам <...> эти несчастные содержались в отдельных друг от друга каютах и «в заклепных железах» [8, с. 24]. О каждой смерти безымянных узников или случае их умопомешательства настоятели монастыря сообщали начальству Селенгинского острога. Вместе с тем ни одна из сторон власти – ни светская, ни духовная – не предпринимала мер для улучшения условий содержания колодников. Показателен в плане обличения жестокости тюремного заключения в Забайкальских монастырях один из документов, найденных и обнародованных И. С. Сельским. В нем сообщалось, что после упразднения Тайной канцелярии настоятель Селенгинского Троицкого монастыря получил указ о незамедлительном освобождении всех заключенных. Выяснилось, что все колодники умерли, в живых остался лишь один «бывший Сибирского пехотного полка подпоручик Родион Ковалев» [8, с. 27]. Он просидел закованным в одиночном заключении более двадцати пяти лет. Не удивительно, что, когда его выпустили из тюремной каюты, «он оказался совершенно сумасшедшим и почти ничего не говорил» [8, с. 28].

Не менее жестокие режимы заключения существовали в Посольском Преображенском и Якутском Спасском монастырях. Исследователь советского периода Л. П. Шорохов привел следующий пример из истории монастырской тюрьмы Спасской обители в Якутии: «В первой половине XVIII в. в темной одиночной тюремной камере сидел на цепи некий Максим Малыгин», обвиняемый в «тайном и богомерзком общении с нечистой силой». Его абсолютно лишили воды, опасаясь, что он может легко уйти в воду, несмотря на цепи и охрану [9, с. 297].

В монастырские тюрьмы Восточной Сибири преимущественно ссылались политические противники установившегося государственного режима

и члены их семей – несчастные жертвы великосветского произвола. Широкий резонанс получила история ссылки в сибирские монастыри и насильственного пострижения в монашество детей казненного видного государственного деятеля, кабинет-министра правительства императрицы Анны Иоанновны Артемия Петровича Волынского. Две старшие дочери А. П. Волынского были заточены в женские монастыри: Мария – в Енисейский Рождественский, Анна – в Иркутский Знаменский. Маленький сын – Петр Волынский был отправлен в монастырскую ссылку в дальнюю Селенгинскую Троицкую обитель. По стечению обстоятельств ссылка оказалась непродолжительной, и 1 июля 1741 г. по указу Тайной канцелярии все дети Волынского покинули Сибирь, выехав в Санкт-Петербург [9, с. 305].

Сосланных в Нерчинский Свято-Успенский мужской монастырь условно можно разделить на несколько групп. В предлагаемой статье рассмотрим примеры с простыми обывателями, ссылаемыми в обитель «для смирения по монастырскому обычаю» и «покаяния», т. е. истинного раскаяния в совершенных ими греховных или уголовных правонарушениях.

В Успенском монастыре отбывали наказание миряне, преступившие морально-нравственные нормы, обвиненные в основном в супружеской неверности и кровосмешении с близкими родственниками, – блудники, прелюбодеи и проч. Все они были заключены «под крепкое монастырское смотрение». Для иллюстрации обратимся к одному из дел о нарушении семейно-брачных отношений – «О разводе Туринской деревни служилого Федора Ефремова с женой его»¹. В ходе розыска, проведенного Иркутским архиерейским приказом после получения доношения от протопопа Читинской острожной Михайло-Архангельской церкви Маркинияна Григорьевича (Гитова), выяснилось, что «служилый Федор Ефремов в прежние годы был женат на дочери отставного служилого Федора Рудакова девице Агрипине и как де она умре он оженился вторым браком на свояченице своей Матроне Сперидоновой дочери»². Венчал их бывший заказчик Нерчинского дистрикта Иван Петрович Стрельников, который на допросе пояснил: «Подлинно не ведал, что за ними есть родство потому что в то время был весьма пьян только то помятую, что велел священнику Кузьме Михайлову взять 2 рубля и за вечную память еще 2 рубля»³. В свою очередь, священник Кузьма Михайлов уточнил: «Заказчик мне говорил, что по правилам их венчать надлежит». В свое оправдание молодая девушка сказала, что «того не ведала, что за мужем моим была сестра моя Агрипина потому что она была Рудакова а не Спиридонова <...> и как она Агрипина умре после того минуло 1,5 года <...> и отец мой Спиридон выдал меня замуж за него Федора Ефремова <...> Агрипину звали Рудаковой потому что она де Агрипина прижита была с иноверными а не с моим отцом Спиридоном». В завершение же добавила: «А священник про то мне ничего не говорил»⁴. После допроса всех

¹ ГАЗК Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.

² ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

³ ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об.

⁴ ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 3. Л. 10 об.

участников инцидента было вынесено следующее решение: «Велено таковых незаконно брачившихся послать к игумену Нафанаилу в Успенский монастырь <...> велено за такое незаконное супружество друг от друга разлучить <...> и послать мужа в наказание в градской суд неотменно 11 декабря 1729 г. <...> а бабу Матрону взяв содержать в нашем Успенском монастыре в трудах монастырских вечно и велено жестоко наблюдать дабы не сбежала к оному Ефремову»⁵. Матрона была отправлена для «монастырского смирения в работы» на «коровий дворец». Лица духовного звания, причастные к данной трагедии, никакого наказания не понесли. Священникам нерчинским «градским и уездным» лишь еще раз напомнили, «чтобы разыскивали накрепко совокупающихся во взаимное супружество <...> чтобы оные были ни в роду и племени, ни в кумовстве, ни в сватовстве, ни в крестном братстве, також не от живых жен и детей»⁶.

Последнее уточнение не было лишним, так как грех прелюбодеяния был весьма распространен⁷. В этом плане показателен следующий пример. В июле 1728 г. «капитан Сибирского гарнизона якутского полка» Михаил Цей, «оженившись в Томске на другой, а именно на дочери отставного подьячего Ивана Молокова», по возвращении к месту службы прилюдно обвинил свою законную жену в «блуде». Михаил Цей следовал примеру «прилюбодейца» Максима Пархомова, который, ранее тайно вступив во второй брак, намеренно, оговорил нелюбимую жену в измене, добился ее «насильственного пострижения» и заточения в Иркутский Знаменский женский монастырь⁸. Православная церковь в тот период истории принимала решения, исходя из кодекса статей Домостроя, официально признававшего возможность развода по причине «прелюбодеяния». Разбирательство по делу Цей обнаружило противоправные деяния Пархомова, в связи с чем его «невинная» жена была отпущена из Иркутского Знаменского женского монастыря.

Духовное руководство Успенского монастыря в лице настоятелей, в соответствии с положениями авторитетных источников права, посвященных регулированию взаимоотношений полов и брачно-семейных отношений, с позиций уголовно-правовых норм Домостроя, Стоглава [6, с. 241-250], а также указов, собранных в Соборном уложении [7, с. 107], всемерно стремилось к укреплению браков и стабильности семей на всей территории Нерчинского заказа. Иерархи при вынесении приговоров часто обращались и к «Кормчей книге», где в «правилах Василия Великого во главе 21 на листу 234 в правиле 26 напечатано о совокупившихся с женою по блудодеянию аще распутства»⁹.

С первых лет утверждения православия в Забайкальском крае сферы семейного и брачного права были отнесены к ведению церковных судов. Посредством контроля и жесткого регулирования общественного мнения церковь содействовала сохранению прочности института семьи, укреплению

⁵ ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

⁶ ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

⁷ ГАЗК Ф. 282. Оп. 1. Д. 30. Л. 91. Л. 121.

⁸ ГАИО Ф. 50. Оп. 1. Д. 3. Л. 433.

⁹ ГАЗК Ф. 282. Оп. 1. Д. 41. Л. 129.

нию моногамии и устойчивости брака. Так, в Стоглаве в части сборника, где представлены религиозно-церковные правила и наставления, о допустимом количестве браков говорилось: «Первый брак – закон, второй – прощение, третий – законопреступление, четвертый – нечестие, свинское есть житие» [6, с. 241–250]. Не случайно, что за четвертый брак, как и за кровосмешение и блудодеяние, назначалась монастырская ссылка. Семья, тем более патриархальная (крестьянская, казацкая), рассматривалась как фактор благополучия государства. Суровые меры, принимаемые в отношении лиц, преступивших евангельские этические нормы, были своевременны и оправданны.

Можно утверждать, что деятельность православных иерархов в области семейного и брачного права носила предупреждающий, корректирующий и контролирующий характер, обеспечивала относительную стабильность взаимоотношений в низших общественных коллективах. Следовательно, разнообразные правонарушения в семейно-брачной сфере, воспринимаемые нарушениями публично-правовых норм, относились исключительно к юрисдикции церковного суда и разбирались духовными иерархами (епископами, настоятелями монастырей).

Список литературы

1. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2. (1825–1870 гг.). М. : Юридат, 1946. 478 с.
2. *Гернет М. Н.* Монастырские тюрьмы в царской России : сборник. Рязань : Александрия, 2010. 348 с.
3. *Карамзин Н. М.* Записки о древней и новой России и ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991. 125 с.
4. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 12 т. Т. 4. СПб. : Тип. Н. Греча, 1819. 556 с.
5. *Пругавин А. С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством // Монастырские тюрьмы в царской России : сборник. Рязань : Александрия, 2010. С. 17–18.
6. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1985. 520 с.
7. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1986. 511 с.
8. *Сельский И. С.* Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц // Русское слово. 1861. Кн. 8 (август). С. 24–28.
9. *Шорохов Л. П.* Узники сибирских монастырей в XVIII веке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1978. С. 294–308.

Nerchinsky Assumption Monastery in the Penitentiary System of the Russian Empire

E. S. Bushueva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper gives evidence for the fact that the Nerchinsky Assumption monastery was one element in the chain of penitentiary monasteries in the Russian empire. It was widely known in higher government circles of secular and spiritual power. The laity who violated

moral standards of gospel ethics represents a special group among those who were sent in exile to Assumption monastery “to deny himself and repent”. They were kept in monastery to repent of having committed sinful or criminal offenses.

Keywords: Nerchinsky Assumption monastery, element of the penitentiary system of the state, gospel ethics, repentance, penance, family strength, marriage sustainability.

For citation: Bushueva E.S. Nerchinsky Assumption Monastery in the Penitentiary System of the Russian Empire. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 32, pp. 90-95. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.90> (in Russian)

References

1. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Tsar's prison]. In 5 vol. Vol. 2. Moscow, Yurizdat, 1946, 478 p. (in Russian)
2. Gernet M.N. *Monastyrskiye tyu'my v tsarskoy Rossii : sbornik* [Monastic prisons in tsarist Russia: a collection]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2010, 348 p. (in Russian)
3. Karamzin N.M. *Zapiski o drevney i novoy Rossii I yeye politicheskoy I grazhdanskoy otnosheniakh* [Notes on ancient and new Russia and its political and civil relations]. Moscow, Science Publ., 1991, 125 p. (in Russian)
4. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. In 12 vol. Vol. 4. Saint-Petersburg, 1819, 556 p. (in Russian)
5. Prugavin A.S. *Monastyrskiye tyur'my v bor'be s sektantstvom* [Monastic prisons in the fight against sectarianism]. *Monastyrskiye tyu'my v tsarskoy Rossii : sbornik* [Monastic prisons in tsarist Russia: a collection]. Ryazan, Aleksandriya, 2010, pp. 17-18. (in Russian)
6. Chistyakov O.I. ed. *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X-XX vv. In 9 vol. Vol. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya I ukrepleniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Russian legislation of the X-XX centuries. Legislation for the formation and strengthening of the Russian centralized state]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1985, 520 p. (in Russian)
7. Chistyakov O.I. ed. *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X-XX vv. In 9 vol. Vol. 4. Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian legislation of the X-XX centuries. Legislation of the period of formation of absolutism]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1986, 511 p. (in Russian)
8. Selsky I.S. *Ssylka v Vostochnuyu Sibir' zamechatel'nykh lits* [Exile to Eastern Siberia of remarkable people]. *Russkoye slovo*, 1861, book 8 (avgust), pp. 315-343. (in Russian)
9. Shorokhov L.P. *Uzniki sibirskikh monastyrey v XVIII veke* [Prisoners of Siberian monasteries in the XVIII century]. *Goryushkin L.M. ed. Ssylka I obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [Exile and social and political life in Siberia (XVIII – early XX century.)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 294-308. (in Russian)

Бушужева Елена Сергеевна
старший преподаватель
Иркутский национальный исследовательский
технический университет
Российская Федерация, 664074,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
e-mail: tserkov1712spasite@yandex.ru

Bushueva Elena Sergeevna
Senior Lecturer
Irkutsk National Research Technical
University
83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian
Federation
e-mail: tserkov1712spasite@yandex.ru